

О свидетельской присягѣ въ судопроизводствѣ XVII вѣка.

(Одна изъ забытыхъ реформъ святѣйшаго патріарха Никона).

Въ литературѣ по данному вопросу имѣются лишь слѣдующія два несогласныхъ мнѣнія довольно авторитетныхъ ученыхъ:

К. Кавелинъ говоритъ: „Допросу свидѣтелей необходимо предшествовало приведеніе ихъ къ присягѣ (Улож. X, 158, 173). Когда это введено впервые, утвердительно сказать нельзя. Въ Судебникѣ и современныхъ ему правыхъ грамотахъ о присягѣ свидѣтелей не упоминается. Въ Уложеніи приведеніе ихъ къ присягѣ принято за общее правило. Подъ него не подходили разумѣется лица духовнаго званія и, кажется, высшіе сановники государства: бояре, окольничьи, думные дѣяки и думные люди; по крайней мѣрѣ о приведеніи ихъ къ присягѣ передъ свидѣтельствомъ нигдѣ не упоминается“¹⁾.

О. Димитріевъ по тому же вопросу высказывается слѣдующимъ образомъ: „Сыщики допрашивали бѣлое духовенство по священству, монаховъ по иноческому обѣщанію, остальныхъ людей по государеву крестному цѣлованію, а татаръ и другихъ инородцевъ по шерти. Свѣтскимъ лицамъ изъ христіанъ допросъ производился передъ образомъ, но формальной присяги, кажется, не было. Любопытно, что правило о

¹⁾ К. Кавелинъ: Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства въ періодъ времени отъ уложенія до учрежденія о губерніяхъ. М. 1844. Ч. 1., стр. 100.

допросѣ не иначе, какъ *передъ образомъ* особенно повторено въ Уложеніи относительно боярскихъ людей, крестьянъ и женщинъ“¹⁾.

Какое изъ этихъ мнѣній—вѣрное? Замѣчательно, что оба писателя базируются, по видимому, на однихъ и тѣхъ же основаніяхъ, именно Улож. Х, ст. 158 и 173.

Вотъ эти статьи:

Ст. 158: „Тѣхъ людей (служилыхъ разныхъ чиновъ) допрашивать по крестному цѣлованію“.

Ст. 173: „А будетъ гдѣ доведется въ обыску, или въ допросѣ спрашивать боярскихъ людей, или крестьянъ, или женскій полъ, и ихъ во всякихъ дѣлахъ допрашивать по государеву крестному цѣлованію предъ образомъ Божиимъ для того, чтобы они сказывали правду, какъ имъ стать на страшномъ судѣ Христовѣ“.

Достопримѣчательно, что Димитріевъ не нашелъ въ цитируемыхъ статьяхъ Уложенія никакихъ данныхъ относительно специальной свидѣтельской присяги; все, что Уложение привнесло къ дѣйствовавшей до толѣ судебной практики по этому предмету, исчерпывается предписаніемъ допрашивать свидѣтелей нисшаго класса, передъ „образомъ Божиимъ“. П это наблюденіе, повидимому, совершенно вѣрно. Но что же дало поводъ Кавелину утверждать, что „допросу свидѣтелей необходимо предшествовало приведеніе ихъ къ присягѣ?“ Повидимому одно,—что Уложение предписываетъ допрашивать свидѣтелей—мірскихъ людей, „по государеву крестному цѣлованію“. Но „государево крестное цѣлованіе“ есть не свидѣтельская, а вѣрноподданническая присяга, къ которой въ XVII вѣкѣ подданные и служилые государевы чиновники приводились непременно въ соборномъ храмѣ, въ присутствіи специально назначенныхъ разрядныхъ дьяковъ. Текстъ этой присяги назывался „крестоцѣловальною записью“. Отъ XVII в. сохранились двѣ формы такой записи: одна 1626 г. изданная при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и патріархѣ Филаретѣ; другая при Алексѣй Михайловичѣ и патріархѣ Никонѣ въ

¹⁾ Ѳ. Димитріевъ: Исторія судебныхъ встанцій гражданскаго апелляціоннаго судопроизводства отъ Судебника до учрежденія о губерніяхъ. М. 1859, стр. 417. См. также: Митр. Евгеній: о разныхъ родахъ присягъ у славянорусовъ, Труды Москов. Общ. Ис. и Др. 1826, т. III.

1653 году ¹⁾. Въ 1760—1658 г. Генваря 20 Великій Государь указалъ: стольниковъ и стряпчихъ, и жильцовъ, которыхъ вновь пожалуемъ въ какой чинъ, того же дня *приводить къ вѣрѣ* въ соборной церкви, а у присягу стоять указалъ Государь разряднымъ дьякомъ ²⁾.

Что же значить допрашивать свидѣтелей по государеву крестному цѣлованію? Это значить вовсе не то, будто предварительно допроса слѣдовало приводить ихъ къ крестоцѣлованію или вѣрноподданнической присягѣ, а только то, что судья или сыщикъ долженъ былъ напоминать свидѣтелю, что онъ долженъ показывать правду, какъ вѣрноподданный государя, точно также какъ священникъ — по священству, или какъ монахъ — по иноческому общанію. Обычай судей обращаться къ свидѣтелямъ съ такимъ увѣщаніемъ практиковался задолго до Уложенія въ XVI даже въ XV вѣкахъ. Вотъ нѣсколько образцовъ такихъ увѣщаній:

„И судьи спросили Исачко да Оофавика (крестьянъ-свидѣтелей) скажите въ Божью правду: чьи тѣ пустоши? Кто тѣ пустоши коситъ?“ (А. Ю. № 3. 1485—1505). „И писецъ (судья великаго князя) спросилъ Демидка Кузьмина и его товарищевъ: „скажите въ Божью правду по Великаго Государя крестному цѣлованію?“ (А. Ю. № 9. 1503). „Скажи ты намъ по Великаго князя крестному цѣлованію“ (№ 19. 1532).

Уложение только узаконило этотъ обычай, присоединивъ отъ себя лишь незначительное ритуальное требованіе, чтобы свидѣтели—простые люди (дворовые и помѣщичьи крестьяне) давали свои показанія предъ образомъ Божиимъ (образомъ Спасителя, „Спасовымъ образомъ“). Это незначительное ритуальное требованіе имѣетъ однако же весьма важное значеніе въ рѣшеніи занимающаго насъ вопроса—было ли приведеніе свидѣтелей къ присягѣ или нѣтъ? Дѣло въ томъ, что присяга или крестное цѣлованіе давалось предъ крестомъ, и присягавшій непременно цѣловалъ крестъ ³⁾. Между тѣмъ

¹⁾ Текстъ можно читать въ Древней Россійской Библіотекѣ Изд. 2. ч. VIII, стр. 60—83 и ч. XVI, стр. 1.

²⁾ 1 Полн. Соб. Зак. Т. 1. стр. 345.

³⁾ Кромѣ вѣрноподданнической присяги въ нашемъ древнемъ судопроизводствѣ весьма широко приподялась еще судебная присяга, какъ послѣднее крайнее средство рѣшенія тяжбы, или спора. Когда тяжущіеся не могли представить достаточныхъ доказательствъ для рѣшенія спора

Уложение о крестѣ ни слова не говоритъ, а предписываетъ производить допросъ свидѣтелей или безъ всякаго ритуала или только предъ образомъ Божиимъ.

Уже этихъ соображеній, строго говоря достаточно, для того, чтобы утвердиться на томъ положеніи, что въ первой половинѣ XVII вѣка специальной свидѣтельской присяги въ нашемъ судопроизводствѣ не было и Уложение Ал. Мих. ея не устанавливало—какъ думалъ Кавелинъ.

Но главный интересъ нашъ составляетъ не первая половина XVII-го вѣка, а вторая, въ которой вопросъ о свидѣтельской присягѣ именно для мірскихъ людей — христіанъ всѣхъ чиновъ былъ разрѣшенъ неожиданно и оригинально и, конечно, тѣмъ болѣе интересно.

Какъ свидѣтельствуешь масса изданныхъ и еще болѣе не изданныхъ записей судебныхъ слѣдствій и повальныхъ обысковъ за 2-ю половину XVII в. свидѣтели—мірскіе люди допрашивались *безъ присяги* „по святой, непорочной, евангельской заповѣди Христовѣ, еже ей, ей и еже ни, ни“ ¹⁾.

въ ту или иную сторону, тогда или по предложенію судьи, или по взаимному соглашенію иска или отвѣтчикъ „брали на свою душу“ отвѣтъ за свое домогательство и въ томъ цѣловали крестъ. Интересную подробность о ритуалѣ этой присяги даетъ слѣдующая дополнительная статья къ Судебнику отъ 1733 г. Мая въ 20. Царь М. Ф. и патріархъ Филаретъ указали: у крестнаго цѣлованья, у Николаы Стараго, цѣловати крестъ, который крестъ будетъ написавъ съ Распятіемъ и ея дѣяніемъ; а крестовъ мѣдныхъ не носить, и мѣдныхъ крестовъ не цѣловати, а которые всякіе русскіе люди во всѣхъ приказахъ въ разныхъ дѣлахъ учнутъ искати и отвѣчати, и по тѣмъ дѣламъ исцу и отвѣтчику доведетца крестъ цѣловати, тѣхъ всякихъ людей ихъ людемъ крестъ цѣловати трижды, а впредь тому человѣку въ четвертые креста ни въ какомъ иску не цѣловати“. (Акты Историческіе, Т. III, № 92).

Особаго текста для такой присяги не было. Текстъ составлялъ по показанію исца или отвѣтчика, которые онъ защищали и истину котораго утверждалъ крестнымъ цѣлованіемъ.

Вотъ образецъ такой присяги:

„На сей заниси цѣловали крестъ бояре: князь Данило Васильевичъ, да дворецкой Василій Андреевичъ, да казначей Юрій Дмитріевичъ“. А говорили бояре у цѣловапья (Далѣе—ихъ показаніе) (Акты Арисограф. т. I, № 124. 7025—1517).

¹⁾ Объ этомъ свидѣлствуютъ: Акты юридическіе, Акты историческіе, Акты Археогрифич. Экспедиція. А. Федотовъ Чеховскій: Акты относящіяся до гражданской расправы древней Россіи. Т. I и II. Кіевъ 1860. *Самоква-совъ*: Архивный матеріалъ. Новооткрытые документы помѣстно вошличныхъ

Въ наказѣ о производствѣ повального обыска обыкновенно предписывалось: „И какъ къ тебѣ ся паша грамота придетъ и ты бѣ противъ сія наша грамоты, противъ челобитья казака Потапка Шацкаго про побѣгъ жены ево Дунки... города Черни грацкими всякихъ чиновъ людьми розыскалъ по Господни евангельской заповѣди, кто вѣдаетъ еже ей, ей, а кто не вѣдаетъ еже ни, ни; жена ево Потапкова Дунька въ прошлыхъ годѣхъ отъ него бѣгалала? и проч.¹⁾ А формальная записъ показаній обыскныхъ людей обычно гласила такъ: „Чернскіе стрѣльцы, десятникъ и рядовые стрѣльцы... сказали по святѣй непорочной евангельской заповѣди Господни, еже ей, ей, то мы вѣдаемъ: въ прошлыхъ годѣхъ, тому лѣтъ съ шесть Чернскаго казака Потапка Шацкаго жена ево Дунька отъ него бѣгала по лѣсамъ и по гумнамъ, а въ бѣгахъ блудно воровала ль, или нѣтъ, того мы не вѣдаемъ, а изъ бѣговъ у него Потапка родила ребенка, а съ нимъ ли прижила или безъ закона, блудна, бѣгаючи, про то мы не вѣдаемъ... То наша и сказка“²⁾.

Иногда допускалась и болѣе краткая формула: „приказной ево человекъ... да староста, да цѣловальникъ сказали еже ей, ей, въ правду“³⁾.

Но въ болѣе важныхъ случаяхъ, согласно съ Уложеніемъ въ наказахъ предписывалось производить допросы по святѣй непорочной евангельской заповѣди Господней еже ей, ей и еже ни, ни предъ Спасовымъ образомъ.

Когда же установлена была такая обрядность допроса свидѣтелей—мірскихъ людей?

Для отвѣта на этотъ вопросъ мы располагаемъ слѣдующими данными.

1) Древнѣйшій образчикъ примѣненія такой обрядности мы встрѣчаемъ въ судномъ дѣлѣ Суждальскаго архіепископа Стефана по извѣту на него суждальскаго соборнаго

учрежденій Московскаго царства М. 1965. Ч. II. Т. II. Сверхъ того авторъ имѣлъ подъ руками много рукописнаго матеріала Синодальной Библиотеки и Архива М. Д. Консисторіи. (Судныя дѣла Крутицкаго Казеннаго Приказа).

¹⁾ Дѣло о разводѣ казака Потапа Шацкаго съ женою. 1689 г. Архивъ М. Д. Консисторіи.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же.

попа Никиты (Пустосвята). Въ 1659 году по государеву указу Вятскій и Великопермскій епископъ Александръ и патріаршій дьякъ Пареевнъ Ивановъ должны были „обыскивать большимъ повальнымъ обыскомъ въ Суждалѣ, въ городѣ и на посадѣ, и въ уѣздѣ, архимандриты, игумены, и попы, и дьяконы по священству, а старцы по иноческому обществу, а дворяны и дѣтьми боярскими, и торговыми, и посацкими людьми, и стрѣльцы, и казаки, и пушкарѣ, и всякихъ чиновъ жилецкими людьми, и бобылями въ правду по святѣй евангельской Христовой заповѣди, кто вѣдаетъ еже ей, ей, а кто не вѣдаетъ еже ни, ни предъ святымъ евангеліемъ, взирая на образъ Божій, и какъ бы имъ стать на страшнѣмъ и праведнѣмъ судѣ Христовѣ въ день судный, про богохульные слова суждальскаго архіепископа Стефана“¹⁾.

Здѣсь мы встрѣчаемъ самый ранній примѣръ примѣненія этой формы допроса—и при томъ въ наиболѣе торжественной обстановкѣ (предъ святымъ евангеліемъ, взирая на образъ Божій). Но есть основаніе предполагать, что установлена была эта новая форма допроса свидѣтелей нѣсколько ранѣе.

II. Въ 1663—64 г.г. значительно измѣненъ былъ „чинъ вѣрноподданнической присяги и въ „вѣрный листъ“ (присяжный листъ) введена была именно формула: „по святой непорочной евангельской заповѣди Господней“ и самое „послѣдованіе“ приведенія къ присягѣ предписано было совершать не предъ „Распятіемъ“, а предъ Евангеліемъ.

Не къ этому ли времени относится и установленіе новой формы и допроса свидѣтелей? Вѣроятность большая, хотя мы и не имѣемъ подъ руками положительныхъ данныхъ утверждать это. Но, думается, и не особенно важно знать—въ этомъ именно году или нѣсколько позже введена была разсматриваемая форма присяги, — важнѣе безъ сомнѣнія отвѣтить на вопросы: что было ближайшимъ поводомъ къ установленію новой формы вѣрноподданнической присяги, на какомъ основаніи придана была эта именно форма и кѣмъ произведена была такая реформа?

Прежде чѣмъ отвѣчать на эти вопросы, представимъ въ параллеляхъ тексты присяжныхъ листовъ 1626 г. и „свитокъ увѣренія и общанія 1654 г.“:

¹⁾ Моск. Синодал. Библіотеки свитокъ № 1078.

Крестоцѣловальная запись
1626 г.

„Азъ, имя рекъ, цѣлюю крестъ Господень государю моему (полный титулъ) на томъ: служить мнѣ ему, государю своему и прямити, и на томъ на всемъ, какъ въ сей записи написано по тому мнѣ Государю своему царю и великому князю Михаилу Феодоровичу вся русіи служить и прямити и добра хотѣти во всемъ, въ правду, безо всякіе хитрости и до своего живота по сему крестному цѣлованію“.

Свитокъ увѣренія и обѣщанія
1654 г.

„Азъ, имя рекъ, обѣщаваюся¹⁾ государю своему царю и великому князю Алексію Михайловичу вся русіи и Его благовѣрной царицѣ и великой княгинѣ Маріи Ильичнѣ и благовѣрному царевичу, имя рекъ, и благовѣрной царевнѣ и тѣмъ, которыхъ дѣтей имъ, государемъ, впредь Богъ дастъ, по непорочной заповѣди Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, якоже во святомъ евангеліи указася еже ей, ей на томъ, служить мнѣ (или намъ) ему, государю . . . и прямити, и добра хотѣти во всемъ, безъ всякаго лукавства, и ихъ государскаго здравія мнѣ (или намъ) во всемъ оберегати, и никакова зла на нихъ, государей, не мыслити А самому мнѣ (или: самимъ намъ) по моему (нашему) обѣщанію, еже обѣщаваюся (или: обѣщаемся) нынѣ предъ святымъ симъ евангеліемъ ни къ какой измѣнѣ и къ воровству ни къ какову и ни къ какой воровской прелести не приставати“²⁾.

Оставляя въ сторонѣ разность содержанія обѣихъ формъ

¹⁾ На полѣ: аще ли многи будутъ: все мы обѣщаемся.

²⁾ Приводимъ этотъ текстъ по экземпляру, находящемуся въ старопечатныхъ книгахъ Ундольскаго: „Присягъ три чина“ № 7114. (Румянц. Муз. № 314). Этотъ экземпляръ представляетъ нѣсколько печатныхъ корректурныхъ листовъ съ поправками рукописными.

присягъ въ политическомъ отношеніи, отмѣтимъ разность религіозно-ритуальную: прежняя присяга произносилась предъ животворящимъ крестомъ и запечатлѣвалась цѣлованіемъ его, новая присяга — предъ св. евангеліемъ и содержала обѣщаніе служить въ правду согласно заповѣди Спасителя: *буди слово ваше еже ей, ей и еже ни, ни.*

Что же служило поводомъ для такой реформы вѣрноподданнической присяги?

На года 1653—54 падаетъ великое событіе—присоединенія Малороссіи къ Великой Россіи въ подданство московскаго царя. Дѣло это служило предметомъ долгаго и тщательнаго обсужденія московскаго правительства и только „въ началѣ 1653 года въ Москвѣ рѣшили принять Малороссію въ подданство и воевать съ Польшей. Но и тутъ проволочили дѣло еще почти на годъ, только лѣтомъ объявили Хмѣльницкому о своемъ рѣшеніи, а осенью собрали земскій соборъ, чтобы обсудить дѣло по чину, потомъ еще подождали, пока гетманъ потерпѣлъ новую неудачу подъ Жванцемъ, снова выданный своимъ союзникомъ ханомъ и только въ январѣ 1654 года отобрали присягу отъ казаковъ“¹⁾).

Дѣло это, по взглядамъ московскаго правительства представляло интересъ не только государственныи, но и церковныи, религіозныи. Православный русскій царь выступилъ въ этомъ дѣлѣ, какъ покровитель православія „имѣя о всѣхъ православныхъ христіанахъ велие попеченіе, какъ бы вѣру православную отъ еретиковъ избавить“. Тѣмъ болѣе заботился объ этомъ патріархъ Никонъ, въ это время стоявшій на вершинѣ своего величія и въ самомъ разгарѣ своей дѣятельности по очищенію церковныхъ чиновъ и усовершенію ихъ въ строгомъ духѣ греческаго православія. Великое дѣло присоединенія Малороссіи натолкнуло его и на пересмотръ „чина вѣрноподданнической присяги“.

Но вѣдь вѣрноподданническая присяга есть дѣло чисто государственное; почему же именно патріархъ взялся за ея исправленіе?

На это нужно сказать, что такой взглядъ — совершенно вѣренъ для настоящаго времени. Но въ половинѣ XVII вѣка дѣло было иное. Вѣрноподданническая присяга въ то время

1) Ключевскій: Курсъ русской исторіи. III, 149—150.

заклучалась не въ одномъ только присяжномъ листѣ, какъ въ настоящее время, а составляла цѣлое чинопослѣдованіе церковное, въ которое присяжный листъ входилъ лишь какъ небольшая составная часть.

Вотъ составъ этого чинопослѣдованія:

„Чинъ како подобаетъ пріимати и увѣряти обѣщающагося служить государю царю всею правдою. Архіерей возьмъ патрахиль положить на ся и святой омофоръ. Аще ли же архимандрить, или игумень, то облачится во священную одежду. Пономарю же уготовавшу наложъ съ наволокою въ церкви прямо царскихъ дверей. Таже архіерей повелитъ діакону отъ престола изнести святое евангеліе и положить на уготованномъ наложѣ и предъ нимъ поставить подсвѣщникъ со свѣщью. Хотяи же увѣритися, единъ или два, или мнози, входятъ со страхомъ и со смиреніемъ и сокрушеннымъ сердцемъ. Таже повелитъ архіерей положить всѣмъ ту по три поклоны предъ святымъ евангеліемъ, глаголя: Боже очисти мя грѣшнаго..... За тѣмъ, благословенъ Богъ нашъ, Царю небесный, Трисвятое, Отче нашъ, Пріидите поклонимся, Помилуй мя Боже. (пс. 50) Глаголы моя внуши Господи (пс. 5). Къ Тебѣ, Господи, воззову (пс. 27). Тропари: Помилуй насъ, Господи; Вѣрую во Единаго. По семь чтеть свитокъ увѣренія и обѣщанія своего (присяжный листъ). По семь архіерей, или архимандрить, или игумень, или іерей глаголетъ къ стоящимъ предъ святымъ евангеліемъ: Се Христосъ невидимо предстоитъ здѣ, блюди, какъ обѣщаваешися предъ Св. евангеліемъ (дов. длинное увѣщаніе). Таже іерей вслухъ высокимъ гласомъ молится: Услыши мя, Господи, грѣшнаго, молящаяся къ Тебѣ всѣмъ сердцемъ и воздаждь комуждо по дѣломъ его. Потомъ, каждо отъ бояръ или отъ прочаго чина пришедъ и ставъ предъ Св. евангеліемъ творить поклонъ; подобнъ же и царю, аще есть. Тоже пока глаголетъ обѣщаваяся предъ Св. евангеліемъ сице: обѣщаваюся предъ Господомъ хранить истинное послушаніе и вѣру“ ¹⁾.

Таково чинопослѣдованіе вѣрноподданнической присяги. Какъ видно отсюда, это—богослужебный чинъ, поэтому понятно, что и измѣненіе, и исправленіе его подлежало прежде

¹⁾ Выше цит. экка. Ундольскаго.

всего компетенціи церковной или по тому времени—патріаршей власти.

И должно замѣтить, что измѣненію со стороны патріарха подвергся не только свитокъ увѣренія въ этомъ чинопоследованіи, но и прочія части, особенно символъ вѣры. Такъ, конецъ 7-го члена напечатанъ былъ такъ: „и царствію Его *нѣсть* конца“. Рукою корректора слово *нѣсть* зачеркнуто и сверху его написано: *не будетъ*. Начало 8-го члена напечатано: „и въ Духа Святаго Господа *истиннаго* Животворящаго, *иже* отъ Отца исходящаго“. Слова „истиннаго“ и „иже“ зачеркнуты.

Исправленіе—совершенно въ духѣ патріарха Никона.

Что присоединеніе Малороссіи совершилось съ примѣненіемъ этого новоисправленнаго въ Москвѣ чина присяги, и что московское правительство и спустя нѣкоторое время послѣ этого придавало большое значеніе этому обстоятельству, объ этомъ свидѣлствуютъ слѣдующія документальныя данныя:

1) Въ статейномъ спискѣ пословъ В. Бутурлина читаемъ: (5 янв.). Изъ сѣвѣжаго двора (въ Переяславлѣ) гетманъ (Богданъ Хмѣльницкій) поѣхалъ къ соборной церкви Успенія Пречистой Богородицы съ бояриномъ съ Василіемъ Васильевичемъ съ товарищи въ каретѣ. А казанскій преображенскій архимаритъ Прохоръ и рожественскій протопопъ Андреянъ, и священники и дьяконы, которые по Государеву указу посланы съ ними, пришли за Спасовымъ образомъ въ соборную церковь напередъ ихъ. А какъ бояринъ Василій Васильевичъ и гетманъ Богданъ Хмѣльницкій пришли къ соборной церкви, и переяславскій протопопъ Григорій и всѣхъ церквей священники и дьяконы встрѣтили ихъ у паперти со кресты и съ кадилы въ ризахъ и пѣли: Буди Имя Господне благословенно отнынь и до вѣка. А какъ вошли въ церковь, и архимандритъ Прохоръ и протопопъ Андреянъ и переяславской протопопъ Григорій со всѣмъ освященнымъ соборомъ, облачась въ ризы, хотѣли начать обѣщаніе въ вѣрѣ по *чиновной книгѣ, какова отъ государя прислана къ нимъ*. И гетманъ Богданъ Хмѣльницкій говорилъ имъ, чтобъ имъ, боярину Василью Васильевичу съ товарищи учинить вѣру за государя царя и Великаго князя Алексія Михайловича... И гетманъ Богданъ Хмѣльницкій и писарь Иванъ Выгов-

ской, и обозничій, и судьи, и ясаулы войсковые и полковники вѣру (присягу) государю учинили на томъ, что быти имъ съ землями и съ городами подъ государевою высокою рукою на вѣки неотступнымъ, а приводилъ къ вѣрѣ по *чиновной книгѣ* архимарить Прохоръ“¹⁾.

Заслуживаетъ вниманія, что „чиновная книга“, по которой совершена была московскимъ духовенствомъ присяга, была прислана ему Государемъ, а не захвачена съ собою при отправленіи. Почему? Да всего вѣроятнѣе потому, что еще не было въ томъ моментъ готово ея изданіе.

II. А что „чиновная книга“ содержала новое чинопослѣдованіе предъ Св. евангеліемъ и по заповѣди Спасителя еже ей, ей и еже ни, ни, это официально засвидѣтельствовано спустя 4 года въ слѣдующемъ документѣ: „7167—1658 Сентября 23. Грамота полтавскаго полка полковнику, старшинамъ, войску и всѣмъ малороссійскимъ жителямъ: о неятіи вѣры возмутительнымъ разглашеніямъ измѣнившаго Россіи запорожскаго гетмана Ивана Выговскаго и о сохраненіи по прежнему ненарушимой къ царскому престолу вѣрности съ дозволеніемъ избрать имъ новаго гетмана“. Здѣсь читаемъ:

„И гетманъ Богданъ Хмѣльницкій, и вы, полковники, и всякіе начальные люди, и казаки, и мѣщане, и вся чернь войска запорожскаго, которые были на радѣ, въ Переяславлѣ, видя о благочестіи наше, царскаго Величества, тцаніе и о васъ, православныхъ христіанѣхъ, веліе попеченіе, намъ, Великому государю, нашему царскому величеству, въ соборной апостольской церкви предъ святымъ евангеліемъ по святой непорочной евангельской заповѣди Христовѣ, вѣру учинили при ближнемъ нашемъ бояринѣ и намѣстникѣ тверскомъ, при Васильѣ Васильевичѣ Бутурлинѣ съ товарищи“²⁾.

Фактъ привода къ присягѣ Богдана Хмѣльницкаго по новоисправленному чину стоитъ твердо.

Теперь—вопросъ: на какомъ основаніи и кѣмъ измѣнена была форма вѣрноподданнической присяги?

„Цѣлованіе креста“ было исконною русскою формою всякой присяги. На какомъ же основаніи оно было замѣнено

¹⁾ Акты, кос. Исторіи Южн. и Запад. Россіи Т. X. стр. 224 Стат. Слѣсокъ пословъ 1653 Окт. 9—1654 Февр. 5.

²⁾ 1 Полное Собр. Зак. Т. I. 7167—1658. Сент. 22.

обѣщаніемъ предъ св. евангеліемъ и кто могъ отважиться на такую замѣну стараго новымъ?

Нужны были, конечно, очень достаточныя основанія для такой реформы и очень властный авторитетъ для реформатора. Если мы примемъ во вниманіе, что такая реформа присяги падаетъ на 1653—54 года, — на самый расцвѣтъ церковно-реформаторской дѣятельности патріарха Никона, то намъ не трудно отвѣчать на оба поставленные вопроса.

Такую реформу произвелъ патріархъ Никонъ, конечно по согласію съ царемъ Алексіемъ Михайловичемъ, на основаніи строго каноническихъ источниковъ греческой церкви.

Какіе же это каноническіе источники?

1) Въ 1653 году вышло въ свѣтъ одобренное патріархомъ Никономъ и его соборомъ изданіе Кормчей книги, пользовавшейся въ это время непререкаемымъ авторитетомъ. Но здѣсь нѣтъ упоминанія о крестномъ цѣлованіи. Присяга совершается предъ Божественнымъ Евангеліемъ. „И подлежащимъ божественнымъ словесемъ, рекше Святому Евангелію, о вещи истязаніе сотворити“ (гл. XLII, ст. 13).

„Предлежащу Святому Евангелію кленутся въ бѣду душъ своихъ, яко не данія ради, ни обѣщанія дара... сихъ избраша“ (т. е. кандидатовъ на епископство. Ст. 28). Гл. XLIX грань 15: „Честная мѣста, не имуща отнюдь исполнити людскія дани, добръ и села продають, сирѣчь яко истязаему сушу о продавіи отъ митрополита ту сушимъ митрополитомъ, и епископомъ и причетникомъ, подлежащимъ Божественнымъ Евангеліемъ, и аще не явится ино имѣніе... да утвердится сему продавіе предъ судіею“.

Присяга предъ Божественнымъ Евангеліемъ узаконена была въ Византіи еще Императоромъ Юстиніаномъ, но слѣды ея встрѣчаются еще въ дѣяніяхъ Вселенскихъ соборовъ¹⁾.

II. Но патріархъ Никонъ, какъ и каждый начитанный въ каноническихъ источникахъ Византіи церковникъ XVII вѣка могъ найти здѣсь и болѣе глубокое обоснованіе присяги предъ Евангеліемъ и по заповѣди Спасителя: „буди же ваше слово еже ей, ей, и: еже ни, ни“.

Въ Синаггъ М. Властаря онъ могъ найти слѣдующія разсужденія по этому вопросу:

„Клятва и вообще возбранена, тѣмъ болѣе даваемую на

¹⁾ Напр. IV-го Всел. собора.

зло кому-нибудь надлежитъ осуждать. Посему поклявшійся долженъ исправить свои мысли, а не усиливаться приводить въ исполненіе свое беззаконіе. Ибо если кто-нибудь поклянется выколоть глаза кому-нибудь, или убить, или нарушить какую бы то ни было заповѣдь, разсмотри—что лучше: пренебечь ли клятву, или привести въ исполненіе зло и нарушить заповѣдь? Кляхся—говоритъ Давидъ—и поставихъ не грѣхъ содѣлать, но сохранить судьбы правды Твоея (Псал. XLVIII, 46). Какъ заповѣдь подобаетъ утверждать непреложностью, такъ грѣхъ должно ниспровергати всячески“ (Прав. 29 Св. Вас. Вел.). Но и нарушившій безъ нужды законную клятву наказывается болѣе строго, чѣмъ нарушившій по насилію. Если же клятва не законна и дана съ тою цѣлью, чтобы сдѣлать кому-нибудь зло, или лишить какого-либо блага; или если кто-нибудь поклянется такимъ предметомъ, который не слѣдуетъ употреблять въ клятвѣ; тогда нарушеніе клятвы не подлежитъ наказанію, а врачуетъ умѣренною эпитимією отъ епископа. Но такъ какъ клятвопреступники наказываются, а тѣ, которые дорожатъ клятвою—свободны и слѣдов. давать клятвы позволяется, то, можетъ быть, кто-нибудь скажетъ: а что мы будемъ дѣлать съ евангельскою заповѣдью, повелѣвющею: *не клятися всяко* (Мѣ. V, 34). Но я думаю, что евангеліе, заботясь искоренить первое прозябаніе грѣха вообще, воспретило и клятву, какъ дверь къ клятвопреступленію, въ особенности для достигшихъ совершенства, для которыхъ оно (запрещеніе) то же, что и заповѣдь продать свое имѣніе и дать нищимъ; ибо если всѣ *обязаны* продавать, то кто будетъ покупать? Такова и другая евангельская заповѣдь, чтобы ударяемый по одной щекѣ, не щадилъ и другой, и чтобы хотящему взять ризу отдать и срачицу, и другія евангельскія заповѣди, которыя не обязательны для тѣхъ, кому заповѣдуются, а предлагаются на произволеніе, и которыя соблюдающимъ ихъ доставляютъ честь и награду, а не соблюдающимъ не причиняютъ никакой бѣды. Законная же клятва въ немъ (Евангеліи) на второмъ мѣстѣ и не отвергается“ (Мѣ. V, 37). А посему цари, облеченные порфирой благочестія, дозволили употребленіе законной клятвы, а противозаконную и неразсудительную совершенно запретили“ ¹⁾.

1) М. Благовѣст.: *Сынтозисъ*, гл. Е. жер. 32.

М. Властарь выдаетъ этотъ способъ примиренія евангельской заповѣди, запрещающей клятву, съ *законною клятвою* своимъ мнѣніемъ: „я думаю“ гов. онъ. Но въ дѣйствительности это мнѣніе есть перифразъ слѣдующаго мѣста изъ толкованія Вальсамона къ 29 прав. св. Василия Великаго:

„Поелику изъ того, что правила опредѣляютъ наказывать клятвопреступниковъ, открывается, что тѣ, которые не нарушаютъ ихъ не наказываются и съ тѣмъ вмѣстѣ явствуетъ, что исполненіе законныхъ клятвъ дозволяется, то не скажи, что это опредѣлено въ противность евангельской заповѣди, которая говоритъ, что мы не должны клясться ни небомъ, ни землею, потому что небо есть престолъ Божій и земля подножіе ногама Его, и что нашею клятвою должно быть: ей, ей и ни, ни (Мѡ. V, 34—36); ибо первое свойственно только самымъ совершеннымъ, а второе и не отвергается, какъ законное. Такова и другая евангельская заповѣдь: вся елика, имаши, продаждь, и раздай нищимъ... и гряди во слѣдъ Мене (Мук. XVIII, 22) ибо, если-бы всѣ обязаны были сдѣлать это, то кто же бы сталъ покупать продаваемые имущества? Съ другой стороны, если-бы всякая клятва запрещалась, то пророкъ не сказалъ бы: кляхся и поставихъ сохранить заповѣди Твои (Пс. 118, 106), и православные цари, составители законовъ, не издали бы законовъ, предписывающихъ совершеніе клятвы. Итакъ, не всякая клятва законная и незаконная запрещена, но—незаконная и неразсудительная²⁾).

Изъ этихъ разсужденій византійскихъ канонистовъ патріархъ Никонъ могъ вывести твердое убѣжденіе, что самая законная съ Евангельской точки зрѣнія форма присяги есть обѣщаніе—по заповѣди Господней что-либо дѣлать и чего-либо не дѣлать, что-либо утверждать, или что-либо отрицать: еже ей, ей; и: еже ни, ни. Это убѣжденіе и выражено въ ритуальномъ чинѣ вѣрноподданнической (и свидѣтельской) присяги: она должна даваться предъ Божественнымъ Евангеліемъ и въ формулѣ обѣщанія присягающаго: „азъ, имя рекъ, обѣщаюсь (но отнюдь не клянусь) предъ симъ святымъ Евангеліемъ государю моему.... служить ей, ей и дѣлать въ правду“.

¹⁾ Вальсамонъ въ толкованіи къ 29 прав. Вас. Вел. стр. 264. Правила Св. Отецъ съ толкованіями. М. 1884.

Таковы вѣроятныя предположенія о времени происхожденія, поводѣ, основаніяхъ и авторѣ разсматриваемой формы присяги.

Что касается ближайшимъ образомъ свидѣтельской присяги этой формы, то она дѣйствовала по документальнымъ даннымъ съ 1659 года во все XVII-е столѣтіе и, благодаря частому примѣненію ея особенно въ повальныхъ обыскахъ, сдѣлалась очень популярной, какъ о томъ можетъ свидѣлствовать повидимому сохранившаяся въ простонародѣ форма божбы: „вотъ ей, ей“; „вотъ ей Богу“...

Въ XVIII столѣтіи съ судебною реформою Петра въ наши суды перенесена была иноземная форма присяги: „обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ“; а форма Никоновской присяги, такъ согласная съ канонами Православной Церкви была основательно позабыта.

И съ тѣхъ поръ „открылась широкая дверь — выражаясь языкомъ византійскаго канониста—клятвопреступленію“.

Проф. Н. Заозерскій.
